

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка сформулировать представления о потребностях и о тех психических процессах, посредством которых осуществляется переход от потребностей самого человека, а также окружающих его людей и социальных систем, к его действиям и к действиям других людей. Кратко перечислим наиболее важные пункты соответствующих рассуждений.

Благо или потребность субъекта — это объективные состояния его сохранения и развития (благо) или отклонения от этих состояний (потребность), а также те события, которые являются предпосылками итогового благополучия, системы или его нарушений. Родовым по отношению к понятиям блага и потребности является понятие ценности.

Существенно важно то, что в рамках единого понятия объединяются конечные потребности (блага) и их причины, т. е. инструментальные, или промежуточные, ценности. Это позволяет не упускать из виду реальной общности соответствующих феноменов. Для описания же различий между конечными ценностями в их в разной степени отдаленными предпосылками удобно воспользоваться терминами порядка, назвав конечные ценности потребностями или благами первого порядка, а их причины — потребностями или благами второго и более высоких порядков; чем дальше отстоит предпосылка от конечного эффекта, тем выше ее порядок.

Потребности и блага, таким образом, трактуются как объективные состояния человека и окружающей его среды, существующие независимо от того, известны ли они субъекту или он о них ничего не знает. Это, на наш взгляд, принципиально важно, и попытки строить систему понятий, начиная сразу с психически отраженных («пере-

питаемых») потребностей и благ, являются в значительной степени тупиковыми. Они закрывают пути к пониманию причин возникновения самих этих переживаний, а также оставляют непонятным то, почему данные переживания побуждают человека к определенным и имеющим вполне реальные результаты действиям.

Эмоциональные переживания, в которых психически отражаются потребности и блага, возникают двумя резко различными способами: во-первых, автоматически и, во-вторых, посредством развернутой мыслительно-рациональной деятельности индивида, устанавливающей связи между эмоциональным переживанием и его более или менее отдаленными предпосылками. Четкое концептуальное отделение объективных потребностей и благ от их психических отражений позволяет поставить проблему адекватности отражения объективных ценностей в психике индивида и анализировать причины возникновения эмоциональных, или аксиологических, иллюзий. Отсюда следует, что психофизика эмоциональных переживаний и ценностных ориентаций человека имеет не меньше прав на существование, чем психофизика ощущений, восприятий и других собственно познавательных психических феноменов.

Общеизвестные факты свидетельствуют о том, что деятельность индивида удовлетворяет не только его собственные потребности, но и потребности других людей или социальных систем. Какие психологические механизмы обеспечивают социально полезную деятельность?

Существуют два различных по своей организации вида социально полезной деятельности. В первом из них деятельность человека непосредственно побуждается чужими потребностями и благами, точно так же как если бы они были его собственными. Образ *чужого* блага или чужой потребности сопровождается у субъекта переживаниями *собственного* удовольствия или страдания. В подобных случаях говорят, что индивид как бы «забывает себя», но с равным правом можно сказать, что он забывает, что перед ним другой человек, воспринимая его радости и беды как свои собственные. Индивид «использует» язык *своих* эмоциональных переживаний для отражения положительных и отрицательных событий в жизни *других* людей и побуждения полезной для них деятельности.

Второй вид социально полезной деятельности вовсе не предполагает подобного «нарушения границ» или, говоря словами У. Джемса расширения собственного «Я».

В этом случае человек переживает только свои собственные потребности, только свое собственное благо, и его деятельность направляется именно этими «эгоистическими» переживаниями. Но если блага или потребности других людей совпадают соответственно с благами или потребностями индивида, то эгоистически ориентированное действие субъекта оказывается полезным и для других людей.

Существует класс ситуаций, где совпадение индивидуальных и социальных интересов устанавливается спонтанно. Простейший пример — проложенная человеком тропа в зарослях, которая нужна ему самому, но затем наверняка будет полезна и другим людям. Но, главным образом, рассматриваемые совпадения между ценностями («интересами») индивида и других людей являются результатом специальных процессов социальной организации деятельности, к числу которых относятся, например, формы материального стимулирования труда. Эффективность подобной организационной деятельности определяется тем, насколько удачно в разработанной системе норм и правил удается «увязать» индивидуальные и социальные интересы (т. е. гарантировать их совпадение), и насколько простыми, познавательно доступными оказываются установленные при этом причинно-следственные (инструментально-целевые) связи между действиями человека и их полезными или вредными для него эффектами. Средством удовлетворения потребностей индивида и интернализированных им потребностей других людей является деятельность. При этом она сама сопровождается возникновением новых потребностей, которые выступают в роли цены за достижение положительных результатов. Вряд ли ново утверждение о том, что потребности индивида и интернализированные им потребности других людей удовлетворяются не только за счет его собственной деятельности, но и благодаря усилиям окружающих. Но это обстоятельство, и главное те следствия, которые вытекают из него по отношению к процессам организации человеком удовлетворения своих потребностей, должны быть ясно теоретически осознаны. В этой связи мы предлагаем различать три уровня участия субъекта в управлении чужой деятельностью — *нулевой уровень*, когда другие люди удовлетворяют потребности человека вообще без его ведома, *уровень ожиданий чужой деятельности* (или надежд, или упований на других) и, наконец, *уровень*

организации субъектом *чужой деятельности*. Расчеты и надежды на других безусловно сказываются на активности самого субъекта. В основе многих проявлений пассивности лежит вовсе не отказ индивида от удовлетворения своих потребностей, но именно расчет на усилия окружающих. Это обстоятельство полезно учитывать при решении практических задач, требующих повышения активности личности.

Что касается управления человеком своей собственной деятельностью, то здесь существенным является различие между двумя уровнями саморегуляции — импульсивно-непроизвольным и произвольным. Первый из них базируется на автоматизированных («эмоциональных») оценках значимости действий, а второй — на рациональных, осуществляемых посредством развернутых мыслительных операций. Особую трудность для субъекта представляет конфликт между двумя этими способами побуждения активности. В таких случаях реализация более целесообразной, рациональной альтернативы возможна только за счет особенно интенсивной деятельности по саморегуляции, т. е. за счет волевых усилий.

Автоматизированные действия иногда оказываются нецелесообразными, нерациональными, на основе чего заключают, что поведение человека побуждается иррациональными импульсами. Но данный вывод односторонен даже применительно к сфере автоматизированных регуляций. Он не учитывает того, что недостатки этих простейших форм управления деятельностью, суть продолжение их достоинств, их прошлых или будущих заслуг.

Система кратко резюмированных выше теоретических представлений была использована нами для анализа двух эмпирико-теоретических проблем. Первая из них касается теоретического статуса феномена *аттительюда* («социальной установки») и связанных с этим трудностей в понимании рассогласований между *аттительюдами* человека и его действиями.

Было показано, что *аттительюды* — это специфические оценки, характеризующиеся определенным положением в отношении двух рассмотренных нами ранее теоретических координат (или оппозиций): это, во-первых, оценки индивидуальных благ или потребностей (в отличие от не входящих в содержание *аттительюда* психических отражений человеком ценностей других людей) и, во-вторых, более импульсивные, эмоциональные, автоматизированные

оценки (в отличие от рациональных и произвольных). Данные выводы были проверены при анализе эмпирического материала, касающегося соотношений между аттитюдами к самостоятельности и творчеству в работе и соответствующими действиями людей. Было показано, что рассогласованиями этих аттитюдов с реальными действиями человек в одном случае «платит» за реализацию принятых им социальных потребностей, а в другом — за реализацию просто более целесообразных, с его точки зрения, вариантов поведения, которые открываются ему не столь непосредственно, как аттитюды, и требуют для своего осуществления значительных волевых усилий.

Вторая проблема, на которой испытывались изложенные выше теоретические представления, касается соотношений между продуктивностью деятельности человека и удовлетворением его потребностей. Следуя традиции, мы рассматривали эти соотношения на материале трудовой деятельности. Благодаря факторному анализу почти во всех рассмотренных группах рабочих удалось обнаружить два типа статистических соотношений между продуктивностью деятельности и удовлетворенностью потребностей — прямые и обратные. С ростом производительности удовлетворенность в одних случаях повышается, а в других — падает.

Эти соотношения оказалось возможным интерпретировать с учетом представлений о двух видах побуждения социально полезной деятельности, а также о том, что деятельность является единством положительных и отрицательных сторон (приобретений и потерь) и что субъект распределяет ее между собою и другими людьми.